

Методологические проблемы оценки эффективности антикризисной экономической политики

Осмысливается адекватность методов оценки эффективности современной антикризисной политики. Отмечается, что современная экономическая действительность не работает по канонам общеизвестной экономической теории и теории кризисов, базирующихся на постулатах об эффективности современного рынка. Борьба с кризисами будет иметь положительный результат при условии установления причин нарастания кризисных явлений, одной из которых может выступать противоречие распределения собственности. Частичным разрешением может стать модель антикризисной политики, суть которой сводится к опережающему росту доходов наиболее бедных слоев гражданского общества по сравнению с богатыми.

Ключевые слова: кризис, кризис трансформационный, антикризисная политика, распределение богатства в обществе, противоречия распределения, формы разрешения противоречий собственности.

V. A. OSTANIN

Methodological Problems of Assessing the Effectiveness of Anti-crisis Economic Policy

The adequateness of methods of assessing the effectiveness of modern anti-crisis policy is comprehended. It is noted that the modern economic reality does not work according to the canons of the well-known economic theory and the theory of crises based on the tenets about the effectiveness of the modern market. The fight against crises will have a positive result, if the causes of the crisis increase, one of which may be a contradiction in the distribution of property, are established. A model of anti-crisis policy, which offers the out-running income growth of the poorest layers of civil society in comparison with the rich ones, can be a partial solution.

ОСТАНИН Владимир Анатольевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики. ostaninva@yandex.ru.

ОСТАНИН В.А. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики.

---

* Владивостокский филиал Российской таможенной академии. 690034, г. Владивосток, ул. Стрелковая, 16 в.
Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy. 16 v, Strelkovaya Str., Vladivostok, 690034.

Keywords: crisis, transformational crisis, anti-crisis policy, distribution of wealth in society, distribution contradictions, forms of resolving property contradictions.

Понятие «кризис» происходит этимологически от древнегреческого κρίσις – приговор, суд, переломное состояние, когда с помощью имеющихся ресурсов становится невозможно адекватно реагировать на изменившуюся ситуацию. В экономике кризис выявляет скрытые накопленные диспропорции, в результате отмечается нежелательное падение основных параметров развития экономической системы и возникает необходимость выбора реализации экономической политики.

Кризис воспринимался как некоторая поворотная точка, опасная ситуация, ведущая к угрозе жизни (В. Даль, М. Вебстер и др.), выражающаяся в сбое работы системы, нарушении ее сбалансированного устойчивого состояния. Однако кризис одновременно мог свидетельствовать о восстановлении системы, выявлял потенциал развития, ломая старое, обнаруживал возможность для появления нового качества. В работах Дж. М. Кейнса, Н. Д. Кондратьева, Г. М. Гукасяна кризис характеризовал нисходящую ветвь развития, падение производства, уровня занятости, доходов и т. д. В работах А. А. Богданова кризис есть как нарушение равновесия, так и процесс перехода к новому, более эффективному и устойчивому равновесию. Кризис в работах Л. И. Абалкина понимался как состояние глубокого расстройств системы, резкого перелома ситуации в период обострения противоречий.

Приведенные толкования понятия «кризис» – предельно краткие и обедненные определения сущности этого явления, которые можно обнаружить в научной литературе. Важно отметить, что кризис следует понимать не только как состояние, но и как процесс, фазу в процессе воспроизводства материальных благ [12].

На поверхности экономической жизни кризис проявляется в возникновении и нарастании проблем, которые могут быть отнесены к потере темпов экономического роста, применению прежних, ставших неэффективными технологий, снижению результативности от использования производственного потенциала, отсутствию темпов повышения ресурсоотдачи и др. Например, рост ВВП в государстве, которое ориентировано на сырьевой сектор экономики и реализацию продукции с малой добавленной стоимостью, свидетельствует, скорее, о кризисных явлениях в экономике, которые имеют основания в институциональной либо технологической сфере.

Исчерпаемость природных ресурсов в недалеком будущем может привести не столько к потере конкурентоспособности национального производства, сколько к общему коллапсу экономики. По некоторым данным

в недрах Земли к настоящему времени залегают не более 140 млрд т нефти, а к 2030 г. будет выкачено около 80 % этого запаса. Если ранее, по образному выражению русского ученого Д. И. Менделеева, сжигание нефти приравнивалось к сжиганию бумажных банкнот, то по прошествии более века мы обнаруживаем нечто, уже имевшее место в прошлом, а именно: продукция от клиринга нефти сгорает в топках котлов, двигателях внутреннего сгорания.

Проявление кризиса в России отмечается в реализации миграционной, демографической политики, в высоких показателях уровня коррумпированности российской экономики, старении производственного капитала и др., что напрямую демонстрирует связь с утратой качества производственного капитала. Перечисленные выше факторы обнаруживают высокую корреляционную зависимость с показателями экономического роста и дают основу критического осмысления адекватности применяемых методов оценки эффективности реализуемой в стране современной антикризисной политики.

Проблема кризисов, вопросы оценки эффективности антикризисной политики, социальных, экономических последствий кризисов разрабатывалась учеными с момента разрушительного по последствиям первого мирового финансового и товарного кризиса 1857–1858 гг., описанного еще К. Марксом и наиболее серьезно сказавшегося на экономике Великобритании, США, Франции, Германии [10]. Дальнейшее развитие теория кризиса и эффективности антикризисной политики получила в трудах российских и иностранных авторов [2–4; 9; 13; 15–18].

Все современные как развитые, так и развивающиеся государства имеют национальный опыт борьбы с кризисами в экономике. Сами же кризисы уже давно не стали являть себя как нечто исключительное в общем тренде экономического развития. Скорее верно суждение, что кризисы в экономике и иных сферах общественного мироустройства стали проявлением закономерности, хотя и наступают всегда неожиданно. Кризисы стало тяжело прогнозировать. Как отмечает В. А. Мау, на протяжении четверти века посткоммунистической истории в России либо боролись с кризисами, либо обсуждали их последствия для социально-экономического бытия общества, либо стремились увидеть контуры будущих кризисов.

Кризисы стали важным моментом жизни современного общества, экономического роста. Теоретическое осмысление причин их возникновения и социально-экономических последствий можно отметить уже в трудах К. Маркса. В этом отношении весьма характерно звучит фраза королевы Великобритании Елизаветы II: «Неужели никто не мог предвидеть финансового кризиса?» [8].

Кризис был характерен не только для стран, ориентированных на капиталистический путь развития, но и для стран социалистического лагеря. Однако он всегда представлялся как разноплановое явление, часто скрытого, латентного характера. Для стран социализма кризис проявлял разрушительные эффекты в скрытой безработице, товарном дефиците, избыточной занятости, низкой производительности труда. В странах капитализма – в товарном перепроизводстве, безработице, инфляции, потере сбережений и доходов при наступлении валютных и финансовых диспропорций. При этом проявлялась характерная черта современных кризисов, а именно – их цикличность.

Кризис всегда сопровождался утратой темпов экономического роста, стагнацией, безработицей, что приводило, в свою очередь, к потере национального богатства, падению доходов. Однако кризис не сводится только к снижению темпов экономического роста. Для нарастания кризиса вполне закономерно и такое явление, когда экономический рост будет соразмерен по своим количественным характеристикам росту объемов факторов производства при сохраняющейся технологической базе. В этом случае следует выделять экстенсивный рост, когда сохраняется прежнее качество технологии производимого продукта, и увеличение производства на основе инноваций, которое следует отнести к интенсивному росту. Экономика, которая не имеет в своем арсенале факторов экономического роста, позволяющих повышать эффективность производства, когда такие качественные параметры, как, например, производительность факторов производства, сохраняются на прежнем уровне, остается невосприимчивой к внедрению достижений научно-технического прогресса или находится в состоянии кризиса в качественном развитии. Следовательно, кризис развития экономических систем может наблюдаться и при низких темпах роста объемов производства. Последний при этом не может приниматься в качестве достаточного признака для отнесения экономики к состоянию экономического роста.

Часто источником кризисных явлений служит бурный рост объемов производства. Эти два симптома как бы чередуются, что создает еще большую неопределенность в оценке правильности антикризисной политики. Как отмечает Джордж Купер: «Чтобы вырваться из разрушительной череды экономических спадов и подъемов, все игроки в экономике должны принять истинные цели макроэкономической политики и ее ограничения. И политикам, и избирателям необходимо осознать, что *использование налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики для немедленного прекращения любых экономических спадов не только невозможно, но и нежелательно*» (курсив наш – В.О.) [4].

В настоящее время экономическая действительность не соответствует канонам общеизвестной экономической теории и современной теории кризисов, базирующихся на постулатах об эффективности современного

рынка. Последний приобрел все черты, позволяющие относить его как по причинам, так и последствиям к турбулентным рынкам с неопределенностью поведения основных игроков.

Сформулированная Хайманом Мински научная гипотеза финансовой нестабильности сводится к положению о том, что капиталистическая экономика по своей внутренней природе, т. е. эндогенно, способна породить такую архитектуру финансового рынка, для которой финансовые кризисы возникают с необходимостью [9].

Современная экономическая, финансовая система, по образному выражению Джорджа Купера, есть «покорный зверь, который, если его не ограничивать в свободе действий, сам придет в стабильное и оптимальное рыночное равновесие» [4].

Убеждения о том, что современные рынки эффективны, основаны, скорее, на вере, а не на истине. Нестабильность становится врожденным качеством современных экономических систем, т. к. у них нет устойчивого состояния равновесия, поэтому постоянно формируются экономические, социальные, политические предпосылки разрушительных циклов спада и кризисов. При этом решающее значение финансовой нестабильности, по выводам Х. Мински, имеют такие факторы, как принятие экономических, политических решений в условиях неопределенности, циклический характер капиталистического производства и финансовые отношения развитой капиталистической системы [9].

Источники неразрешимости теоретической проблемы стабильности финансовых, экономических рынков Дж. М. Кейнсом виделись в том, что по своей внутренней природе капиталистическая экономика, которая основана на частной собственности на средства производства и любые производственные активы, функционирует в условиях полной фундаментальной неопределенности будущего, которое в принципе непознаваемо. При неопределенности исходных предпосылок исследователи не могут предсказать будущее состояние, которое возникнет в результате выбора и принятия инвестиционного решения. Возможности теории вероятности при этом не дают необходимых оснований для расчетов вероятности исходов. Эта неопределенность относится к процессу производства и обращения «долгоживущих» активов, отдача от использования которых простирается на отдаленное будущее. Не возникает особых проблем в расчете эффективности актива, срок службы которого короткий по времени, например, продуктов питания. Но оценить эффективность актива, срок службы которого измеряется годами и десятилетиями, становится невозможным.

Дополнительным фактором является то фундаментальное положение капиталистической экономики, что вся деятельность коммерческих структур, финансовых институтов, стремящихся к прибыли как главной

цели существования, приводит к деформации финансовой системы. Если в более ранние времена она была относительно мало восприимчивой к финансовым кризисам, то с появлением более изощренных вторичных, производных финансовых инструментов система становится более хрупкой. В результате современная капиталистическая система характеризуется устойчивостью как некоторым исключительным временем в потоке неустойчивости. Другими словами, устойчивость экономических систем следует рассматривать как временную, по словам Х. Мински, «условно внутренне согласованную», а «стабильность является дестабилизирующей». Причина видится в том, что относительное спокойствие подталкивает инвесторов к выбору более рискованной модели реализации инвестиционных проектов, чтобы получать доходы даже тогда, когда эта модель становится причиной, разрушающей стабильность, согласованность и спокойствие в экономике. Сам процесс инвестирования, т. е. финансирования инвестиций, становится важнейшим фактором и источником нестабильности [9].

Данное теоретическое положение входит в противоречие с идеями Дж. М. Кейнса в части того, что стимулирование агрегированного спроса способно снизить остроту кризиса в монетарной сфере, в снижении уровня безработицы, росте доходов в обществе. Это виделось Дж. М. Кейнсу в механизме «тонкой настройки» агрегированного спроса, поощрении инвестиций, формировании предпосылок создания «государства всеобщего благосостояния», что давало возможность предоставить населению так называемую «страховочную сетку».

Альтернативную модель предложил Х. Мински, справедливо полагая, что рецепты Дж. М. Кейнса по «тонкой настройке» невозможны, рост, инициируемый инвестициями с целью повышения уровня жизни населения, ведет к инфляции и порождает нестабильность, а опора на социальное обеспечение провоцирует инфляцию и институализирует безработицу. Одновременно следует признать, что многие фундаментальные выводы Х. Мински были основаны не только на статистических данных, но и на потенциале научной интуиции, что формировало научную веру в правильность своей концепции. Эта вера исходит из очевидного факта о соотношении цены спроса и предложения.

Деньги, необходимые для покупки, появляются у покупателя в силу реализации изготовленного ранее продукта или оказанной услуги. Каждый получает денежный эквивалент за то, что ранее продал. Если же у покупателя возникает желание приобрести больше, это воздействует на величину спроса, и цены начинают подниматься. Это становится сигналом для производителя, который начинает поставлять больше товара, ибо в росте дохода и состоит экономический смысл его деятельности. В результате на рынке устанавливается новое равновесие, но уже при возросших ценах. Если ситуация меняется на противоположную, то цены падают, а система

опять автоматически приводится в равновесие уже при более низких ценах. Возражать против очевидного практически невозможно, если только оставаться в познании на уровне здравого смысла, т. е. очевидного, или *bon sens* (фр. – *здравый смысл*). Потому и представляется как бы правильной фундаментальная природа и, соответственно, гипотеза эффективного рынка, что цены активов всегда и везде есть цены справедливые и правильные, ибо они определены рынком.

Однако эта очевидность, скорее, затрудняет процесс познания истины, сущности. Истина не лежит на поверхности явления, которое неизмеримо богаче сущности, ибо сущность сбрасывает обманчивую внешность в своем проявлении во вне. Рынки потребительских товаров и рынки факторов производства – рынки разные. Вторые – это рынки капитала, которые опосредованно через инвестиции, кредиты связаны с рынком конечных потребительских товаров. Если фундаментальное положение классической экономики сводится к тому, что спрос порождает предложение через ценовой механизм, то современная экономическая реальность свидетельствует о том, что повышение цен на рынке ресурсов не порождает предложение, более того, отсутствие или недостаточное предложение порождает ажиотажный спрос, что можно наблюдать на коллизиях современного мирового рынка энергоресурсов в Европе, Азии. А любое значимое количественное отклонение цены на мировом рынке в период кризиса есть правильная реакция рынка на эти колебания, ибо цена правильно отражает реальную стоимость актива, даже если эти отклонения будут весьма существенными. Если же эти отклонения уже столь существенные, то они объясняются внешними силами, или внеэкономическими шоками. Сама же природа эффективного рынка такова, что она исключает формирование ценовых пузырей и обвалов рынка.

Существенной особенностью антикризисной политики на основе гипотезы эффективного рынка является то, что наступление ценовых шоков носит крайне маловероятное значение с позиций теории вероятности случайных событий. Потому можно достаточно уверенно прогнозировать поведение активов на экономических и финансовых рынках.

Однако практика дает серьезное основание для пересмотра этой концепции, даже если эти активы хеджируются. Эти отклонения получили название «жирных хвостов», последние понимались как отражение предельно маловероятного обвала рынка, который все-таки наступает. Это только подтверждает выводы известных специалистов финансового рынка и одновременно практиков проведения хеджирования активов на мировых финансовых биржах [14]. Так, вероятность наступления финансового кризиса 1987 г. была определена в 25 стандартных отклонений в пределах $0,1^{158}$. Такие данные были приведены на основании расчетов с позиций статистики. При оценке финансовых кризисов следует исходить из положения,

что подобные «невероятности» следует рассматривать как каждодневное явление, принимая также во внимание то, что «жирные хвосты» от этого никуда не исчезают.

Однако эти результаты следует отнести к примеру плохой статистики и слабой науки. Подобная невероятность, скорее, принадлежит к сфере деятельности Дугласа Адамса (британский писатель-фантаст и юморист. Получил известность благодаря роману «Путеводитель по галактике автостопом»). Здесь стандартное отклонение отражает степень разброса набора случайных параметров, позволяет оценить, насколько эти случайные величины отклоняются от или близки к среднему значению. Чем больше разброс, тем выше полагается и стандартное отклонение. В теории статистики известны такие формы, как: среднеквадратичное отклонение, среднеквадратическое, квадратическое, стандартный разброс.

В итоге мы можем констатировать, что это положение имеет основание уже потому, что кризис всегда оставался явлением разноплановым и противоречивым. В результате следует сформулировать вывод о том, что применять упрощенный подход в выборе модели антикризисной политики и ее практической реализации следует с учетом неопределенности, непрогнозируемости поведения самих рынков и их основных игроков.

В этом отношении достаточно убедительным аргументом может служить поведение покупателей товаров «демонстративного потребления». Как описывает эту ситуацию Торстен Веблен, рост дороговизны товаров престижа не уменьшает желание богатых покупателей их приобретать, а наоборот, стимулирует объемы этих продаж. В таком случае стимулы потребления товаров, описанные Т. Вебленом, лежат в области предпочтений праздного класса.

Ситуация, которая аналогична описанной Т. Вебленом, складывается на современном мировом рынке энергоресурсов – газа, нефти, редкоземельных материалов, продуктов с включением высокой доли интеллектуального труда, например достижений науки и техники, производства элементной базы для компьютеров. Здесь отсутствие или искусственное снижение предложения становится источником роста цены спроса. Так, цена газа на спотовых рынках в Европе в период энергетического кризиса доходила почти до 2 000 долл. США за тысячу кубометров газа [1].

Можно сделать вывод о том, что в системе были накоплены противоречия, которые уже не могли быть разрешены имеющимися средствами и методами управления экономикой. Таким образом, кризис одновременно становится моментом созидательного разрушения, по Шумпетеру, что предоставляет системе шанс к пересмотру своей экономической политики и воплощению методов дальнейшего развития. Прежние методы управления оказались не в состоянии разрешать объективные противоречия экономической жизни.

Россия, пройдя в последние четверть века кризисы: трансформационный, системный, циклический, финансовый, внешнего и внутреннего долга, первоначально ощутила тяготы от макроэкономической дестабилизации, тем не менее в конечном итоге эти накопленные объективные диалектические противоречия стали источником дальнейшего развития страны [11]. Поэтому не следует однозначно негативно оценивать разрушение институтов государственной власти в России в 1980–1990 гг. Проблема, скорее, заключалась в том, что формирование новых институтов и преобразования в социально-экономической среде были медленными и непоследовательными по сравнению с преобразованием государственных институтов в других постсоциалистических странах [6]. Причина была в том, что экономические реформы продвигались только уже по мере восстановления институтов государственной власти, что и приводило к более медленным темпам преобразований [7].

Кризис есть выявление во вне глубинного противоречия собственности, а следовательно, и форм распределения, присвоения как необходимого, так и прибавочного продукта в обществе. Каждая форма кризиса по-разному затрагивает эти отношения, в том числе глубину реформирования. Однако если речь идет о трансформационном кризисе, то общество подошло к той поворотной точке, когда на повестку выдвигается именно смена форм собственности и, соответственно, форм присвоения.

Однако не каждый кризис может выливаться в смену форм собственности, а следовательно, и форм присвоения. Собственность как объективное диалектическое противоречие может получать формы своего частичного разрешения. В этом случае снижается острота противоречия, накопленные ранее конфликты в обществе могут сниматься (отрицаться) с сохранением своего положительного содержания. Это следует из работ Г. В. Ф. Гегеля, который ввел понятие «снятие», т. е. отрицание с удержанием положительного (*нем. – das Aufheben*). Именно в этом случае мы можем говорить о революции в смене режимов, замещении одних политических элит другими. Так как изъятие и перераспределение собственности затрагивает все слои общества, то это может вызывать протесты в форме вооруженного сопротивления, однако этот признак не является ключевым. Вооруженное сопротивление несет риски гибели прежних собственников, что дает возможность последним реформирования собственности и передачи политической и иной власти в мирных формах. Эта форма разрешения трансформационного кризиса может иметь разные степени напряженного противостояния, вооруженное восстание есть только одна из крайних ее проявлений. Однако когда именно стихийность, а не насилие, признается некоторыми исследователями сущностным признаком революции, то здесь явно допускается не только логическая некорректность [8].

Стихийности (А) противостоит контрадикторное понятие – нестихийность (не-А), которое понимается как планомерность (нем. – *die Planmäßigkeit*), или сознательно устанавливаемая пропорциональность. Полагаем, что стихийность и насилие есть рядоположенные понятия, они не могут найти общих моментов ни по денотату, ни по концепту. Эти понятия контрарные, т. е. противоположные. Другими словами, насилие может осуществляться как в результате стихийного действия масс, когда массы становятся, как отмечал в свое время Гюстав Лебон, толпой [5], либо в результате целенаправленной, продуманной политики устранения оппонентов из процесса присвоения собственности и политической элиты. Однако толпа действительно может играть только разрушительную роль.

В борьбе с кризисами в экономической деятельности следует, во-первых, различать причины и следствия. Во-вторых, сам кризис рассматривать как выходение во вне, проявление сущности объективных экономических противоречий. При этом последние следует рассматривать как источники и движущие силы социально-экономического развития [11].

Из этого следует, что борьба с кризисами может иметь положительное содержание тогда, когда познаны причины нарастания кризисных явлений. Борьба же с противоречиями, которые рассматриваются как источник развития и всякого иного социально-экономического движения, лишено логики и смысла. Поэтому борьба с кризисами может рассматриваться как реализация эффективной антикризисной политики, позволяющей купировать риски падения темпов производства, нарастания диспропорций в экономике, падения покупательной способности денежной единицы, падения занятости и т. д. Инвестиции в экономику, социальную сферу способны снижать кризисные явления на рынке безработицы, но усиливают кризисные проявления в снижении покупательной силы денег.

При выборе метода оценки эффективности антикризисной политики в этом случае необходимо учитывать характер инвестирования в известной модели квалификации режимов финансирования. Так, следует выделять обеспеченное финансирование, когда будущие потоки доходов покрывают выплаты по процентам и погашение основного долга; спекулятивные инвестиции, когда краткосрочные потоки способны перекрывать только текущие платежи; и Понци-финансирование, когда краткосрочных поступлений уже недостаточно для погашения процентов, в результате сумма долга возрастает. Нестабильность экономики, нарастание потенциала кризисных явлений и формирование тенденций турбулентности происходит на тренде эволюции от преимущественно обеспеченного режима финансирования инвестиций к моделям с большей долей спекулятивных режимов и Понци-финансирования [9].

Следовательно, оценивать эффективность антикризисной политики, которая реализуется в обществе, необходимо с учетом вышеотмеченных

методологических постулатов. В первую очередь, следует выработать критерии оценки эффективности антикризисного управления рыночным механизмом. Современные рынки приобрели такое качество, как турбулентность поведения отдельных показателей, например, индексов ценовой динамики финансовых активов, высокую волатильность и неопределенность поведения ключевых игроков финансового и товарного рынков. Если ранее намерения политических игроков не учитывались, то в настоящее время эти политические шоки формируют непрогнозируемое состояние как финансовых, так и политических рынков. Исключительно экономические критерии оценки антикризисной политики уже не могут обладать признаками достаточности в выборе модели антикризисной политики. Это обстоятельство еще в большей степени усиливает непрогнозируемость поведения субъектов антикризисной политики.

Саму экономику следует в этом случае рассматривать как открытую систему, в которой основные игроки могут реализовывать кооперированные модели теории игр. Более того, успех той или иной антикризисной политики будет предопределен решениями регуляторов, которые могут и должны привносить в антикризисную политику элементы справедливости, личной свободы, эффективности при разработке и выборе моделей, принимая выгоды и риски от результатов антикризисной политики всеми участниками, включая миноритариев и рядовых акторов.

Уроки кризисов, включая Великую депрессию, кризисы последних десятилетий, однозначно свидетельствуют о неспособности «свободного от государства рынка» разрешить кризисы. Понимая глубину и сложность экономических противоречий, опасность крайностей в реализации простых моделей, Хайман Мински сформулировал тезис «антиневмешательства», или *Anti-Laissez-Faire Theme*. Этот тезис понимается как необходимость для формирования видимости стабильности введения ограничений и осуществление интервенций в экономическую среду тогда и там, где и когда внутренняя динамика подразумевает нестабильность [19].

Если согласно канонам мейнстрима неоклассической экономической мысли в случае кризиса равновесия следует ограничить вмешательство государства в экономику, то более выверенными в современной антикризисной политике будут решения, которые основаны на выводах Х. Мински. Именно рыночные инструменты, рыночные результаты, считающиеся «естественными», приводят к рассогласованности, порождая кризисы. Снижению остроты кризисов будут способствовать меры, направленные против предотвращения действий и последствий невмешательства, действий «невидимой руки» рынка.

Любое вмешательство в экономическую среду, преследующее цели достижения большей эффективности, справедливости в распределении производимого дохода, требует вложений, которые можно отнести

к инвестициям в формирование более благоприятной социально-экономической среды. При этом следует исходить из того, что больший эффект для одних участников рынка не может достигаться за счет потери дохода, богатства другими участниками. Однако если на ранних этапах были допущены нарушения распределения богатства в обществе, то принцип справедливости в распределении богатства в будущем, позволяющем разрешить противоречия отношений собственности в обществе, уже не может соответствовать принципу оптимальности по Парето. Соблюдение принципа Парето-эффективности может частично снижать кризисные явления и остроту социальной напряженности в обществе. Проблема заключается в том, будут ли наиболее обделенные собственностью и доходами граждане удовлетворены частичными результатами, а следовательно, можно ли полагать, что реализуемая антикризисная политика удовлетворит все общество. Пока не решена принципиальная проблема оптимального соотношения в координатах эффективность-справедливость – если игнорируются принципы справедливости распределения богатства в обществе, вряд ли поиск моделей экономической эффективности имеет смысл.

Частичным разрешением противоречий распределения собственности может стать модель антикризисной политики, суть которой сводится к опережающему росту доходов наиболее бедных слоев гражданского общества по сравнению с богатыми. В этом отношении кризисные явления в России в последние десятилетия, которые проявляются в непропорционально больших темпах роста доходов наиболее богатых слоев общества по сравнению с наиболее бедными, следует признать несоответствующими Конституции России в части построения социально ориентированного государства. Данный кризис относится к формационному кризису, который проявляется одновременно как социальный, политический. Свидетельством последнего становится потеря легитимности самой власти.

Нарращивание же силового принуждения граждан к соблюдению социального порядка может вести только к латентным формам сопротивления власти политических элит, накапливанию взрывоопасного потенциала общегражданского неповиновения. Последнее уже влечет риски силового разрешения социальных противоречий в гражданском обществе.

Список литературы

1. Аномальный взлет цен на газ в Европе. Что важно знать. URL: <https://www.rbc.ru/business/06/10/2021/615d8bb09a7947d8b28eb719> (дата обращения: 25.03.2022).
2. Антикризисное управление. Теория и практика: учеб. пособие / В. Я. Захаров [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 319 с.
3. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2015. 1120 с.

4. Купер Д. Природа финансовых кризисов. Центральные банки, кредитные пузыри и заблуждения эффективного рынка: [пер. с англ.]. СПб.: Бест Бизнес Букс, 2008. 210 с.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011. 238 с.
6. Мау В. Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего // Экономическая политика. 2009. № 4. С. 47–61.
7. Мау В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 488 с.
8. Мау В. А. Экономические кризисы в новейшей истории России // Экономическая политика. 2015. Т. 10, № 2. С. 7–19.
9. Мински Х. Стабилизируя нестабильную экономику. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара, 2017. 624 с.
10. Назарова О. Первый мировой кризис 1857–1858 гг. URL: <http://www.profi-forex.org/journal/number11/page11.html> (дата обращения: 25.03.2022).
11. Останин В. А. Философия присвоения. Владивосток: РИО Владивостокского филиала РТА, 2011. 140 с.
12. Протасеня Ю. Е. Теоретические основы понятия «кризис» // Известия СПбГЭУ. 2014. № 1(85). С. 127–130.
13. Рудый К. В. Финансовые кризисы: теория, история, политика. М.: Новое знание, 2003. 399 с.
14. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. М.: Колибри, 2009. 528 с.
15. Фейлинг Т. Б. Антикризисное управление: курс лекций. СПб.: РГГМУ, 2016. 134 с.
16. Эскиндаров М. А., Миркин Я. М. Риски финансового кризиса в России: сценарии и политика противодействия // Вестник ФА. 2008. № 2. С. 10–20.
17. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999.
18. Claessens S., Kose M. Financial Crises: Explanations, Types and Implications: IMF Working Paper, 2013. 66 p.
19. Minsky H., Ferri P. Market Processes and Thwarting Systems. New York: The Levy Economics Institute of Bard College, 1991. Working Paper No. 64.

© Останин В. А., 2022

© Ostanin V. A., 2022

Для цитирования:

Останин В. А. Методологические проблемы оценки эффективности антикризисной экономической политики // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2022. № 1(98). С. 77–89.